

Галина Сырлыбаева

«Теляковская» галерея в Алматы

В коллекции русского искусства Государственного музея искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева немало уникальных произведений. Все они обладают высокой художественной ценностью, но некоторые заслуживают особого внимания в связи с историей их создания, бытования или значительной ролью в развитии искусства в Казахстане. Среди них — две работы кисти Константина Коровина: «Портрет Владимира Аркадьевича Теляковского» (1901) и «Портрет Гурли Логиновны Теляковской» (1905) из фондов казахстанского музея, которые экспонируются на юбилейной выставке этого замечательного русского художника в Третьяковской галерее.

В.А.Теляковский
Фотография. 1903
Санкт-Петербургский
музей театрального и му-
зыкального искусства

Vladimir Telyakovsky
Photo. 1903
St. Petersburg Museum of
Theatrical and Musical Art

1933 год. В Алма-Ате сформировано Оргбюро Союза художников Казахской ССР, на учете в нем всего 12 художников, проживающих в городе. Однако уже в 1935 году выходит постановление об организации Казахской национальной художественной галереи. Рождение музея и становление изобразительного искусства в Казахстане происходили одновременно. Основным видом художественного творчества казахского народа, издревле ведущего кочевой образ жизни, было прикладное искусство. Живопись, скульптура, графика пришли в Казахстан в 1930-е годы с новой властью, новой идеологией, новой национальной политикой. Характер будущего галерейного собрания сразу же был определен как энциклопедический, и в этом заключалась определенная сложность. Предстояло одновременно комплектовать сразу несколько фондов, в первую очередь — изобразительное и прикладное искусство Казахстана, искусство Западной Европы и стран Востока. А вот коллекция русского искусства образовалась не сразу. Прошли годы, прежде чем она приобрела сегодняшний вид и объединила около тысячи произведений. Первую помощь в комплектовании в 1936–1939 годах оказали крупнейшие музеи Москвы и Ленинграда — Третьяковская галерея и Русский музей, которые передали в безвозмездное владение ряд произведений искусства. Подобная практика бытовала в те годы не только в отношении Казахстана и других республик СССР, но и для российских провинциальных городов.

Второй этап собирательской деятельности начинается с 1950-х годов, когда в галерее сложился профессиональный коллектив неравнодушных людей, преданных музейному движению. В результате активного сотрудничества с московскими и ленинградскими коллекционерами, художниками и их родственниками происходит значительное

пополнение фонда русского искусства, особенно рубежа XIX–XX веков.

Удивительно, как все-таки порой замысловато переплетаются события, факты, судьбы предметов и судьбы людей, которые долгие годы владели этими предметами. Так случилось и с произведениями Константина Коровина из фондов ГМИ им. А. Кастеева. В 1961 году в музей поступили «Портрет Владимира Аркадьевича Теляковского» (1901) и «Портрет Гурли Логиновны Теляковской» (1905) — соответственно последнего директора российских императорских театров и его жены. Это было редкой удачей для музея, учитывая, что Коровин в 1928 году выехал за границу, и приобрести его работы стало практически невозможно. На портретах — родители художника Всеволода Владимировича Теляковского (20.02.1894, Санкт-Петербург — 7.01.1963, Ленинград), чья жизнь и творчество на протяжении более чем двадцати лет были связаны с Казахстаном. Все эти годы портреты хранились у Теляковского и лишь перед выездом в 1961 году из Алма-Аты были переданы в музей.

Казахстан в 1930-е годы привлекает многих художников, особенно московских, экзотикой быта и разнообразием природы. Первая волна активного интереса к Казахстану возникает в 1930–1932 годах, вторая относится к 1935–1937 годам, третья вызвана эвакуацией в годы Великой Отечественной войны.

С Казахстаном были связаны и едва ли не самые печальные страницы в истории Советской страны. С 1930-х годов он становится местом заключения многих и многих людей, в том числе представителей творческой интеллигенции. Печально знаменитый Карлаг, АЛЖИР — Актюбинский лагерь жен изменников родины... Практиковался и другой способ унижения человеческого достоинства, угнетения личности — ссылка, когда человека буквально «выдергивали» из привычного образа жизни, устроенного быта, и бросали в неизвестность. Сохраняли жизнь, лишая при этом всего: общения с родными и близкими, творческой деятельности, даже самой возможности думать о будущем... В списке известных художников, сосланных в Казахстан, — Владимир Эйферт, Исаак Иткинд, Владимир Бехтеев, Абрам Черкасский, Леонид Брюммер... Именно в силу такого рода обстоятельств их имена прочно вошли в историю изобразительного искусства республики.

Вместе с ними оказался в степях Казахстана и Всеволод Владимирович Теляковский. Известно, что первыми учителями в «доказаханском» периоде его жизни были А. Головин и К. Коровин, а самого его, возможно, в будущем ожидала блистательная карьера театрального художника. Из воспоминаний Вс.В. Теляковского: «Коровин и Головин для меня были неразрывно связаны, так как они были в области искусства как бы моими крестными и до момента революции постоянно рассматривали мои работы и руководили

моими первыми шагами»¹. По их совету он начал профессионально заниматься искусством, отправившись в 1912 году в Париж в Академию художеств Ронсона, где его преподавателями стали известные французские художники Морис Дени и Феликс Валлотон. Но завершить образование ему не удалось — началась Первая мировая война. В 1918–1924 годах Теляковский занял должность помощника художника Академического театра оперы и балета в Петрограде и трудился под руководством А. Головина, а в 1925–1927 — преподавал в Государственном архитектурном институте.

Арестовали его в марте 1935 года, хотя имеется версия, что это произошло значительно раньше — в конце 1920-х или начале 1930-х годов. В этот период развернулась кампания посылке людей, чья вина заключалась лишь в «дворянском происхождении».

В Казахстан Вс.В. Теляковский приехал с женой Надеждой Николаевной и няней. Последняя не только вырастила (как говорил художник, «вынянчила») его, но и везде сопровождала: и во время учебы в Париже, и в ссылку отправилась вместе с ним. Жила сначала в казахском ауле, но вскоре перебрались в небольшой городок Ат-

басар, что в 232 км к западу от Акмолы, нынешней Астаны, столицы республики. Атбасар был основан как казачья станица и «прославился» лишь тем, что трижды в год там проводились сельскохозяйственные ярмарки, на которых сбывалось огромное количество скота. В местном городском театре Всеволод Владимирович стал работать театральным художником. Театр — это, конечно, громко сказано, ведь он был создан на основе коллективов самодеятельности незадолго до приезда художника. Трудно представить себе состояние человека, жившего в Москве и в Санкт-Петербурге, неоднократно путешествовавшего по Европе — и вдруг совершенно неожиданно в этом суровом, малонаселенном краю: «...И вот уже ничего от прежнего мира у него не осталось — ни Парижа..., ни дома его, ни отца, ни матери, ни друзей, ни учителей»².

Уже в 1936 году его переводят в Алма-Ату. По непроверенным данным, переводу поспособствовал Илья Зильберштейн³. Хотя возможна и более простая версия: в Алма-Ате в 1934 году создается театр оперы и балета, который назывался в те годы Государственный объединенный театр казахской и рус-

ской оперы и балета. В соответствии с приказом №10 по Управлению Казгосмузтеатра от 1936 года, Вс.В. Теляковский с 21 января зачисляют в театр на должность художника⁴. Здесь он проработал до 1938 года.

Парадокс истории в том, что дед Вс.В. Теляковского — Аркадий Захарович Теляковский (1806–1891), ведущий фортификатор России, — совместно с Э.И. Тотлебенем принимал участие в разработке утвержденного 7 марта 1854 года генерального плана крепости на берегах Малой Алмаатинки. Крепость была преобразована в город Верный, переименованный затем в Алма-Ату, которая с 1927 года стала столицей Казахстана⁵.

Документальных свидетельств о деятельности Вс.В. Теляковского в эти годы мало, да это и понятно. Но даже казенные фразы административных приказов говорят об отношении художника к своему делу. Уже в первый год работы в театре дирекция объявила благодарность художнику Вс.В. Теляковскому: будучи больным, он все же принимал непосредственное участие в работе по оформлению новых оперных постановок⁶.

Современникам, знавшим Теляковского по Алма-Ате, он запомнился

Всеволод
ТЕЛЯКОВСКИЙ
Утро. 1959
Холст, масло. 50 × 70
ГМИ РК им. А. Кастеева

Vsevolod
TELYAKOVSKY
Morning. 1959
Oil on canvas.
50 × 70 cm
Kasteev Kazakhstan
Museum of Art

¹ ЦГА РК. Ф. 1664. Оп. 1.

² Домбровский Ю. Всеволод Владимирович Теляковский — театральный художник // Гонцы. Рассказы о художниках. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М.: Терра, 1992. [Электронное издание] http://lib.ru/PROZA/DOBROVSKIJ/dombrovsky6_1.txt

³ Мананникова Л.Б. Я родом из ТюЗа. Алматы, 2010. С. 61.

⁴ ЦГА РК. Ф. 1841. Оп. 1.

⁵ Золотая книга Алматы-2000. Алматы: Кайнар, 2000. С. 67.

⁶ ЦГА РК. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 2. Л. 254.

Galina Syrlybaeva

The “Telyakovsky Gallery” in Almaty

The collection of Russian art at the Abdylkhan Kasteev Art Museum in Kazakhstan includes many unique works; some of them are worthy of special attention, as their importance lies not only in their artistic value but also in the story of their creation and “journey”, as well as their relation to the artistic development of the country. Among them are two portraits by Konstantin Korovin, which are presented at the anniversary exhibition of the Russian artist at the Tret'yakov Gallery on loan from the Kazakh museum.

В имени
Теляковских
Отрадное
К.А.Коровин –
справа
Фотография. 1900-е
Санкт-Петербургский
музей театрального
и музыкального искусства

At Telyakovsky's
Otradnoye estate
On the right –
Konstantin Korovin
Photo. 1900s
St. Petersburg Museum
of Theatrical and Musical Art

The organizational bureau of the Kazakh Soviet Socialist Republic (KSSR) Union of Artists was established in Alma-Ata in 1933, with only 12 member-artists, all residents of the city. Even though it would seem there was no basis for it, as early as 1935 a decree was issued to establish a National Art Gallery of Kazakhstan. The fact that the gallery was founded at the same time as Kazakh art was beginning to develop reflects the unusual history of the museum. The nomadic culture of the Kazakh people made the advancement of various kinds of applied arts the principal national art form. Painting, sculpture and graphic arts came to Kazakhstan with the new government, new ideology, and new policies of national development. From the beginning it was determined that the status of the new collection was to be “encyclopaedic”. This was exactly the challenge, as it became necessary to build different collections at the same time – first and foremost, the fine

and applied arts of Kazakhstan, but also Western European art, and Oriental art. It took time for the Russian art section to come together – years went by before it took its current shape, numbering close to 1,000 works. The first acquisitions arrived in 1936-1939 with the help of the major museums of Moscow and Leningrad – the Tret'yakov Gallery and the Russian Museum – which transferred some of their pieces to the new museum free of charge. This was common practice at that time, not only with regard to Kazakhstan and other republics of the Soviet Union, but also benefitting Russian provincial museums.

The second stage in building the collection started in the 1950s, when a team of professionals dedicated to museum development came together at the gallery. Their active cooperation with collectors in Moscow and Leningrad, as well as artists' relatives, led to a significant influx of Russian art, especially from the turn of the 20th century. It is amazing to consider how

events, facts and people's very destinies become intricately intertwined with the fate of the objects they have owned for many years.

Such is the story of the paintings by Konstantin Korovin in the collection of the Kasteev Art Museum. In 1961, two portraits by the famous Russian artist were acquired by the museum, the “Portrait of Vladimir Arkadievich Telyakovsky” (1901), the last director of the Russian Imperial theatres, and “Portrait of Gurly Loginovna Telyakovskaya” (1905), his wife. For the museum, this acquisition was a rare case of good fortune, considering that Korovin had moved abroad in 1928, and in the 1960s it was almost impossible to obtain his work. The two portraits were of the parents of Vsevolod Telyakovsky (born, in St. Petersburg, February 20 1894, died, in Leningrad, January 7 1963), whose own life and artistic career (not from his own choice, however) were connected with Kazakhstan. For many years, the two portraits were in his possession, and it was only on the eve of his departure from Alma-Ata that he transferred them to the museum.

In the 1930s, many artists, especially those from Moscow, became interested in Kazakhstan. The first wave of that active interest came in 1930-1932, the second as early as 1935-1937, and the third one was caused by the arrival of evacuated civilians during World War II. Many were attracted by the exotic life and diverse nature of the area, as well as the subject of industrial development in the republic.

However, a sad chapter in the history of the USSR is also connected with Kazakhstan. From the 1930s, it was a place of imprisonment for many people, including members of the artistic intelligentsia, at the infamous “Karlag” (the Russian abbreviation for Karaganda Corrective Labour Camp) and “ALZhIR” (Akmola Corrective Labour Camp for Wives of Traitors of the Motherland). There was also another method developed to humiliate human dignity and oppress people –

exile – when an individual was literally removed from his or her normal everyday life and thrown into the unknown. The exiles' lives were spared, but they were denied everything else – the company of their relatives and loved ones, the ability to work creatively, even the possibility to think about the future. Among well-known artists who were exiled to Kazakhstan were Vladimir Eifert, Isaak Itkind, Vladimir Bekhteev, Abram Cherkassky, Leonid Brummer – their names are firmly established in the republic's art history.

This was also how Vsevolod Telyakovsky, who could otherwise have enjoyed a brilliant career as a theatre set designer, found himself in the steppes of Kazakhstan. As to his life “before Kazakhstan”, we know that Konstantin Korovin and Alexander Golovin were his first teachers. Telyakovsky wrote in his memoir: “In my world, Korovin and Golovin were inseparably connected, since they were like my ‘godfathers’ in art, and up until the revolution they often looked over my work and guided my first steps.”¹ It was following their advice that he decided to make art his profession, and in 1912 went to Paris to study at the Académie Ranson, under such famous French artists as Maurice Denis and Félix Vallotton. However, he was un-

Всеволод
ТЕЛЯКОВСКИЙ
День. 1959
Холст, масло
50 × 70
ГМИ РК им. А. Кастеева

Vsevolod
TELYAKOVSKY
Afternoon. 1959
Oil on canvas
50 × 70 cm
Kasteev Kazakhstan
Museum of Art

able to complete his education because of the start of World War I. In 1918-1924 Telyakovsky worked as an assistant scene designer at the Opera and Ballet Theatre in Leningrad (where Golovin was artistic director at the time), and as a professor at the Institute of Architecture in 1925-1927.

He was arrested in March 1935, even though some have argued that it actually happened much earlier, at the end of the 1920s and beginning of the 1930s. It was a time when there was a campaign to exile those whose only fault was their “aristocratic origin”.

Telyakovsky came to Kazakhstan with his wife Nadezhda, and his nanny. In his own words, his nanny had raised him, “nursed” him. She had gone to Paris with him, and followed him into exile. They first lived in a Kazakh *aul*, or village, but soon moved to the small town of Atbasar, which still survives today, 232 kilometres away from Akmola, now Astana, the capital of Kazakhstan. Atbasar had been founded as a Cossack settlement, and its only claim to fame was that three times a year it hosted agricultural fairs, where cattle were sold in significant numbers. Telyakovsky began working as a set designer at the local theatre, although calling it a theatre is an exaggeration – it had been established not

long before the artist arrived, its company a collection of amateur actors. It was a harsh, sparsely-populated area, and it would be hard to even fathom the state of mind of a newcomer who had lived in Moscow and St. Petersburg, and travelled in Europe: “... and so there was nothing left of his former world – not Paris, not his home, not his father, not his mother, not his friends, not his teachers...”²

However, as early as 1936 Telyakovsky was transferred to Alma-Ata. According to unconfirmed data, Ilya Zilberstein facilitated that move³; however, there may have been a simpler explanation. In 1934, a new opera and ballet theatre was established in Alma-Ata, at the time called the Unified Theatre of Kazakh and Russian Opera and Ballet. In accordance with Order No. 10 of the Administration of “Kazgostmuzteatr” (the Russian abbreviation of the theatre's full name) of January 21 1936, Telyakovsky joined the theatre's staff as a set designer⁴. He worked there until 1938.

It is a paradox of history that Telyakovsky's grandfather, Arkady Telyakovsky (1806-1891), the leading expert in military fortification in Russia of his time, was one of the creators (along with Eduard Totleben) of the master plan for the fortress to be built on the bank of the Malaya

Almatynka river; the plan was approved on March 7 1854. The fortress was transformed into a settlement named Verny, then renamed Alma-Ata, which became the capital of Kazakhstan in 1927⁵.

It is a shame that we have so little documented evidence of Telyakovskiy's career during those years; it is also, however, understandable. Even the indifferent wording of official administrative "orders" reveals the artist's work ethic. During the first year of Telyakovskiy's work at the theatre, the administration made an announcement thanking the artist for his dedicated work on set designs for new opera and ballet productions, in spite of illness⁶.

Those who knew him in Alma-Ata remembered him as a quiet, modest man. The writer, poet and journalist Yuri Dombrovskiy was first exiled to Alma-Ata in 1933 and ended up returning there many times after his releases from labour camps. Dombrovskiy dedicated a whole chapter of his book "The Messengers. Stories of Artists" to Telyakovskiy. He recalled: "... I'd known Telyakovskiy for maybe 20 years. However, to me he always seemed to be the same age, whether he was actually 50 or 70; he was short, with delicate features, light-coloured eyes and a clear gaze. He dressed with almost 'sterilized' modesty and neatness. He did not shine, and wasn't at all

one of those people who make a memorable impression the very first time you meet them. ... as to questions related to his art, he almost never talked about them. I caught on to this idiosyncrasy of his right away, and never asked him questions, just kept studying his paintings that were hanging on the walls of my room. At first I had just two, and in the end ten or 12. Thus, as someone once said jokingly, I accumulated a whole "Telyakovskiy gallery"⁷.

In 1938 Telyakovskiy was transferred to Aktubinsk and appointed principal set designer of the local theatre of music and drama, also a relatively new establishment — it was founded in 1935, developed from the local railway workers' amateur drama society. The population was being actively "introduced" to the arts, and theatres were "growing like mushrooms after rain". In August 1941 he was again back in Alma-Ata, where he started working at the same opera theatre, now called the Academic Theatre of Opera and Ballet⁸. During the years that he worked at the theatre, he created set designs for the operas "The Queen of Spades", "The Snow Maiden", "Eugene Onegin", "Faust", "Pagliacci", and the ballet "Swan Lake".

Apart from set design, throughout most of his life Telyakovskiy also worked on his book "An Atlas of Russian Historical

Всеволод
ТЕЛЯКОВСКИЙ
Вечер. 1959
Холст, масло
50 × 70
ГМИ РК им. А. Кастеева

Vsevolod
TELYAKOVSKY
Evening. 1959
Oil on canvas
50 × 70 cm
Kasteev Kazakhstan
Museum of Art

⁵ The Golden Book of
Almaty — 2000. Almaty:
Kainar, 2000. P. 67.

⁶ Central State Archive
of the Republic of Kaza-
khstan. Fund 1841,
inv. 1, D. 2, Sheet 254.

⁷ Dombrovskiy, Yuri. Op.cit.

⁸ Central State Archive
of the Republic of Kaza-
khstan. Fund 1841,
inv. 1, D. 29, Sheet 99.

⁹ Manannikova L.B.
Op. cit. P. 64-65.

¹⁰ Central State Archive
of the Republic of Kaza-
khstan. Fund 2094,
inv. 1, D. 26, Sheet 212.

Costume". According to Lev Varshavskiy, an art expert and journalist who also found himself in Alma-Ata in the 1930s "against his will", the artist created a unique collection of sketches — costumes of all times and nations. There were close to 20,000 exceptionally accurate colour drawings in it, often accompanied with detailed annotations, and always stating the original source every costume was copied from. The artist also gave instructions as to what materials could be used to recreate costumes for the theatre.⁹ The book was ready for publication; the artist selected 3,000 drawings for it, but was not able to fulfil his dream at the time.

The next chapter in Telyakovskiy's career was associated with his work at the new Youth Theatre, founded in Alma-Ata by Natalya Sats, who found herself there in 1943 when she was denied the right to reside and work in Moscow after her exile. The government order to organize the theatre was issued in 1944; a performance of "Little Red Riding Hood" marked the opening of its first season on November 7 1945. In February 1946 Telyakovskiy joined the staff as the theatre's principal set designer.¹⁰

An excerpt from the memoirs of Varshavskiy, who spent a lot of time with Telyakovskiy, describes the time: "Vsevolod

как скромный, тихий человек. Юрий Домбровский — писатель, поэт и журналист, сосланный первый раз в Алма-Ату в 1933 году и затем, после освобождения из лагерей, постоянно возвращавшийся в этот город, — посвятил художнику целую главу в своей книге «Гонимцы. Рассказы о художниках». Он вспоминает: «...я знал Теляковского что-то около двадцати лет. Но для меня что в 50, что в 70 он оставался человеком одного и того же возраста — художником, невысоким, с тонкими чертами лица, с ясным взглядом светлых глаз, одетый с какой-то почти стерильной скромностью и опрятностью. Он ничем не блистал и вообще не был из тех, кто запоминался с первой встречи. ...О чисто творческих моментах он не говорит почти ничего. Я сразу почувствовал эту особенность Всеволода Владимировича и ни о чем его не спрашивал, а только присматривался и присматривался к картинам, висевшим у меня в комнате. Сначала их было две, а под конец десять или двенадцать. Так у меня образовалась, как сказал кто-то шутя, целая Теляковская галерея»⁷.

В 1938 году Вс.В. Теляковского переводят в Актюбинск и назначают главным художником местного музыкально-драматического театра, который также

Всеволод
ТЕЛЯКОВСКИЙ
Ночь. 1959
Холст, масло
50 × 70
ГМИ РК им. А. Кастеева

Vsevolod
TELYAKOVSKY
Night. 1959
Oil on canvas
50 × 70 cm
Kasteev Kazakhstan
Museum of Art

⁷ Домбровский Ю.
Указ. соч.

⁸ ЦГА РК. Ф. 1841.
Оп. 1. Д. 29. Л. 99.

⁹ Мананникова Л.Б.
Указ. соч. С. 64–65.

¹⁰ ЦГА РК. Ф. 2094.
Оп. 1. Д. 26. Л. 212.

был организован в 1935 году на базе драмкружка при клубе железнодорожников. Народ приобщался к культуре и искусству, театры росли «как грибы после дождя». В августе 1941 года Теляковскій возвращается в Алма-Ату и продолжает трудиться в том же оперном театре, который стал теперь называться Государственным академическим театром оперы и балета⁸. За годы, отданные театру, им были созданы декорации к операм «Пиковая дама», «Снегурочка», «Евгений Онегин», «Фауст», «Паяцы», к балету «Лебединое озеро».

Кроме оформления спектаклей, практически всю свою жизнь Теляковскій работал над книгой «Атлас русского исторического костюма». По свидетельству Л.И. Варшавского, искусствоведа и журналиста, также оказавшегося в Алма-Ате в 1930-е годы не по своей воле, художник создал уникальную коллекцию зарисовок костюмов всех времен и народов. В ней было около 20 тысяч зарисовок, выполненных в цвете, с особой тщательностью, нередко сопровождаемых пояснительными данными и обязательно с указанием источника, откуда перерисован тот или иной костюм. Здесь же давались указания, как и из каких материалов можно

создать эти костюмы для сцены⁹. Книга была подготовлена к изданию. Для нее художник отобрал более трех тысяч иллюстраций, но осуществить свою мечту тогда не сумел.

Следующая страница творчества Вс.В. Теляковского связана с работой в новом Театре юного зрителя, организатором которого в Алма-Ате была Наталья Ильинична Сац. В 1943 году она оказалась в Алма-Ате как лишенная права после ссылки проживать и работать в Москве. Постановление об организации нового театра выходит в 1944 году, и уже 7 ноября 1945 года спектаклем «Красная шапочка» ознаменовалось его открытие. С февраля 1946 года Теляковского зачисляют в штат театра в качестве главного художника¹⁰.

Лев Варшавский, много общавшийся с Теляковским, вспоминал: «Всеволод Владимирович был одним из тех, чьими трудами строился казахстанский ТЮЗ. На заре становления театра он был его главным художником. С утра до ночи он не покидал театра, всегда в движении, всегда на ногах, всегда в поиске новых оригинальных решений. Он все умел делать: был и художником, и заведующим постановочной частью, и гримером, и бутафором. Сам помогал расписывать декорации. Сам помогал

Vladimirovich [Telyakovskiy] was one of those whose work built the foundation of the Youth Theatre in Kazakhstan. He was the principal set designer when the theatre was just taking shape. He spent all his waking hours there – always moving, always in search of new, original concepts. He could do anything: he was the set designer, the stage manager, the make-up artist, the master of decorations and props. He helped paint the decorations; he installed them himself. He oversaw the creation of the costumes, made sure they fitted the actors. He fitted out a tiny corner for himself in the wings, which was more like a carpenter's or a mechanic's shop than an artist's studio. It was there that he painted, built scale models, and even designed patterns for the most intricate costumes. He sawed, glued, and coloured...¹¹

Telyakovskiy designed sets and costumes for more than 55 productions at the Youth Theatre, almost all its repertoire, including "The Snow Queen", "The Two Captains", "I Want to Go Home", "The Three Musketeers", "Certificate of Education", "Altyn-Saka", and many others.

As he was leaving to go into exile in Kazakhstan, which in itself was synonymous to "a journey to nowhere", into the unknown, with no premonition of what his future might hold, Telyakovskiy took with him a small collection of art – it seems the few things that were left from his parents – as a reminder of his past, different life, things which connected him to a world that was gone forever. He would not part with those things for a long time. Among them were his parents' portraits by Konstantin Korovin, painted while the artist was a guest at the Telyakovskiy family estate in Otradnoye. He never let go of these portraits, and it was only on the eve of his return to Leningrad in 1961 that Telyakovskiy handed the canvases over to the Taras Shevchenko Art Gallery of Kazakhstan (the museum's name before 1976) for temporary storage. The deed of transfer to the permanent collection was signed by Na-

talya Vétoshnikova, Telyakovskiy's relative; the artist lived at her residence when he returned to Leningrad, and she inherited his estate on his death. Today, his deed is seen as a gesture of respect and gratitude to a nation which gave him a chance not only to survive, but to realize himself creatively as well.

Telyakovskiy also contributed to the cause of museum development by donating paintings from his collection to the Kasteev Museum of Art, and a distinctive "Telyakovskiy gallery" was formed within the museum. Over the years Telyakovskiy gave the museum several paintings and drawings by Korovin, including the unique "Portrait of the Railway Engineer Sergei Konstantinovich Feylezen" (1904), watercolour studies of theatre costumes, and easel paintings. "Tsarevna of the Sea" (1904), a mixed-medium work by Mikhail Vrubel (with an inscription in Telyakovskiy's hand "Given to me as a present personally by M. Vrubel in 1904") was transferred to the museum in 1952. Another of the artist's gifts to the museum was a collection of authenticated works by Korovin – seven sketches of theatre sets and landscapes by the Russian impressionist. The artist also donated 45 watercolour studies by his mother, Gurly Telyakovskaya, an amateur artist who assisted Golovin and Korovin in set design for musical theatre, as described in Telyakovskiy's memoir: "My mother sketched the figures, often painted the faces and hands, and Golovin would confer with her and 'dress' them... so gradually, a series of costume sketches took shape, with the imprint from the two artists... with Golovin's signature at the bottom of the drawing."¹² "My mother assisted them [Korovin and Golovin] by sketching the costumes..."¹³ Among those we find studies for Cesare Pugni's ballet "The Little Humpbacked Horse", Charles Gounod's opera "Faust", and Ludwig Minkus' ballet "Don Quixote".

It turns out Telyakovskiy also contributed to the development of the mu-

seum's collection of Western European art by contributing paintings, drawings and sculpture by French and Italian masters. The museum acquired from him two sculptures by Louis Boizot, "The Abduction of Persephone" and "The Abduction of Orithyia by Boreas", which enriched its permanent display of Western art. Almost a third of the works in the Western European decorative art collection came from Telyakovskiy: candelabra, clocks, fragments of silk and brocade textiles, and decorative porcelain. All these works were left to the museum for temporary storage before the artist left Kazakhstan, and later transferred to the permanent collection with the cooperation of the artist's heirs.

The artist's own works also became part of the "Telyakovskiy gallery": several studies for theatre sets, a series of ten paintings based on Kazakh epic poetry, and still-lives he started painting in 1959-1960, when he retired. In 1964, Natalya Vétoshnikova, who inherited Telyakovskiy's estate, donated two unique drawings, made by the artist when he was eight and nine years old.

Vsevolod Telyakovskiy was a member of the Union of Artists of the KSSR; on numerous occasions he was given awards by the regional Department of Art and the Presidium of the Supreme Soviet of the KSSR in the 1940s, before he was officially exonerated. In 1965 he was awarded the title Honoured Artist of the KSSR for his distinguished service.

The 1950s marked the time when a professional school of art was just beginning to take shape in Kazakhstan. As a direct participant in creating Kazakhstan's major theatres, Telyakovskiy made an invaluable contribution to establishing and developing artistic traditions in theatre and stage design. He did not have followers or students; however, he was a representative of Russian culture, an agent of its highest traditions in a new ideological and geographical space, thereby bringing the young Kazakh art closer to world heritage.

Всеволод
ТЕЛЯКОВСКИЙ
Литовский полк. 1903
Бумага, акварель
14,4 × 37,7
ГМИ РК им. А. Кастеева

Vsevolod
TELYAKOVSKY
Lithuanian Regiment. 1903
Watercolour on paper
14.4 × 37.7 cm
Kasteev Kazakhstan
Museum of Art

¹¹ Manannikova L.B.
Ор. cit. P. 63-64.

¹² Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 1664, inv. 1, D. 6, Sheet 15.

¹³ Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 1664, inv. 1, D. 6, Sheet 22.

Всеволод
ТЕЛЯКОВСКИЙ
Асан-Кайгы
Панно. Из серии панно по мотивам казахского эпоса.
1957
Холст, масло
57 × 43
ГМИ РК им. А. Кастеева

Vsevolod
TELYAKOVSKY
Asan-Kaigy
Panel from the series on the Kazakh epos.
1957
Oil on canvas
57 × 43 cm
Kasteev Kazakhstan
Museum of Art

их устанавливать. Сам следил за тем, как сшиты костюмы, как они сидят на актерах. Где-то возле кулис он оборудовал себе крошечный закуток, больше похожий на столярную или слесарную мастерскую, чем на мастерскую художника. Здесь он и рисовал, и готовил макеты, и даже делал выкройки для наиболее сложных костюмов. Пилил, клепал, раскрашивал...¹¹.

В ТЮЗе им были оформлены более пятидесяти пяти спектаклей (почти весь репертуар), среди которых «Снежная королева», «Два капитана» «Я хочу домой», «Три мушкетера», «Аттестат зрелости», «Алтын-сака» и многое другое.

Выезжая в Казахстан, в ссылку, что само по себе было уже синонимом «в никуда», в неизвестность, без предчувствия своей дальнейшей судьбы, Всеволод Владимирович взял с собой небольшую коллекцию произведений искусства – вероятно, то немногое, что осталось у него от родителей как воспоминание о прошлой иной жизни, как ниточку, соединявшую его с миром, безвозвратно ушедшим в небытие. Он долго с ними не расставался. Среди этих работ были и портреты его родителей, выполненные К. Коровиным во время пребывания художника в родовом имении Теляковских «Отрадное». Лишь накануне своего отъезда-возвращения в Ленинград в 1961 году он передал полотна на временное хранение в Казахскую государственную художественную галерею им. Т.Г. Шевченко (так назывался музей до 1976 года). Акт по передаче экспонатов на постоянное хранение подписывала Наталья Борисовна Ветoshiкова, родственница Всеволода Владимировича, у которой он поселился после возвращения в Ленинград (она же унаследовала все имущество художника). Этот шаг сегодня трактуется как знак уважения и признательности стране, которая дала возможность ему не только выжить, но и творчески себя реализовать.

Вс.В. Теляковский внес вклад и в развитие музейного дела, пополнив фонды ГМИ экспонатами из своей коллекции. Так сложилась своеобразная «Теляковская» галерея в самом музее. В разные годы от Теляковского в фонды ГМИ поступили живописные и графические произведения А. Головина, среди них уникальный «Портрет инженера путей сообщения барона Сергея Константиновича Феллейзена» (1904), акварельные эскизы театральных костюмов, станковые произведения. Выполненная в смешанной технике «Морская царевна» (1904) М. Врубеля с надписью Вс. Теляковского «Подарено мне собственноручно Врубелем в 1904 году» была передана в галерею в 1952 году. От него же поступили и другие бесспорные произведения К. Коровина – семь эскизов театральных декораций и пейзажей русского импрессиониста. Кроме этого, художник пере-

дал музею 45 акварельных эскизов, выполненных его матерью – Гурли Логиновой Теляковской, не имевшей художественного образования, но помогавшей А. Головину и К. Коровину в оформлении музыкальных спектаклей. Из воспоминаний Теляковского: «... Моя мать рисовала фигуры, часто раскрашивала лица и руки, а Головин, совещаясь с ней, одевал их, так постепенно и рождался целый ряд рисунков костюмов, которые носят отпечаток двух авторов...», а под рисунком костюма подпись Головина¹². В другом месте он отмечает: «... Моя мать помогла им [Коровину и Головину – авт.], беря на себя рисунки костюмов...»¹³. Среди них эскизы к балету Ц. Пуни «Конек-Горбунок», опере Ш. Гуно «Фауст», балету Л. Минкуса «Дон Кихот».

Как оказалось, Вс.В. Теляковский поучаствовал и в расширении коллекции западноевропейского фонда, который пополнился живописными, графическими и скульптурными произведениями французских и итальянских мастеров. В частности, у него были приобретены две скульптуры Луи Буазо – «Похищение Персефоны» и «Похищение Оритии Бореом», ставшие украше-

нием постоянной экспозиции зала искусства Западной Европы. Почти треть коллекции западноевропейского прикладного искусства состоит из поступлений от Теляковского. Это подсвечники, часы, фрагменты шелковых и парчовых тканей, изделия из фарфора. Все предметы были оставлены в музее на временное хранение перед отъездом художника из Казахстана, а позже переведены на постоянное хранение уже при участии его наследников.

В «Теляковскую» галерею вошли и собственные произведения художника: несколько эскизов декораций, серия из десяти живописных панно, созданных по мотивам казахского эпоса, натюрморты, которые он начал писать в 1959–1960 годах, выйдя на пенсию.

Всеволод Владимирович Теляковский был членом Союза художников Казахской ССР, неоднократно награждался грамотами областного отдела искусств и Президиума Верховного Совета Казахской ССР еще до реабилитации в 1940-е годы. В 1956 году за выдающиеся заслуги ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Казахской ССР.